САМОРАЗДѢЛИВШЕЕСЯ ЦАРСТВО.

(Очеркъ внутренняго саморазложенія старообрядческаго раскола—поповщины).

Публичная лекція

И. Громогласова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1904.

R II
T 87

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва. Января 5 дня 1904 года.

Цензоръ *Протоіерей Іоаннъ Петропавловскій.*

...ПОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
439
32

САМОРАЗДѢЛИВШЕЕСЯ ЦАРСТВО.

(Очеркъ внутренняго саморазложенія старообрядческаго раскола—поповщины [1]).

I.

Если бы мы могли перенестись за два съ половиной столѣтія до настоящаго момента, сохранивъ тотъ интересъ къ явленіямъ церковной жизни и сознанія, который собралъ насъ здѣсь, то многимъ изъ насъ пришлось бы быть близкими свидѣтелями, а быть можетъ—и непосредственными участниками событій, богатыхъ послѣдствіями чрезвычайной важности. Мы увидѣли бы небольшой, но тѣсно сплоченный кружокъ извѣстныхъ и вліятельныхъ представителей тогдашняго московскаго духовенства, погруженныхъ въ скорбное недоумѣніе и глубокое смущеніе «памятью» или распоряженіемъ, изданнымъ отъ лица высшаго представителя духовной власти, патріарха Никона [2]). Впечатлѣніе, произведенное «памятью», было настолько сильно, что—по картинному выраженію одного изъ членовъ названнаго кружка—у нихъ «сердце озябло и ноги задрожали» въ страшномъ предчувствіи надвигающейся

[1]) Публичное богословское чтеніе въ залѣ Московскаго Епархіальнаго дома 3 марта 1903 г.

[2]) Содержаніе этой, въ подлинномъ текстѣ не сохранившейся, „памяти“ о перстахъ и поклонахъ передано прот. Аввакумомъ въ его автобіографіи,—Матер. для исторіи раскола, изд. подъ ред. *Н. Субботина*, т. V, стр. 18. М. 1879.

«еретической зимы». Еще болѣе возросло оно послѣ того, какъ глава и руководитель смущенной дружины, казанскій протопопъ Иванъ Нероновъ, удалившись въ молитвенный затворъ на всю первую седмицу, въ концѣ ея сподобился, по его словамъ, чудеснаго откровенія, предупреждавшаго о необходимости ему и его друзьямъ твердо стать за колеблющееся русское благочестіе, не боясь предстоящихъ страданій и даже самой смерти [1]). Ободренные и воодушевленные этимъ откровеніемъ, друзья и единомышленники Неронова рѣшаются на энергичный отпоръ распоряженію патріарха, грозившему — какъ имъ казалось—цѣлости и чистотѣ православной вѣры. Одинъ изъ самыхъ начитанныхъ членовъ кружка, пришлый изъ Юрьева протопопъ Аввакумъ, въ сотрудничествѣ съ костромскимъ Даніиломъ, принимается за составленіе возраженія (въ видѣ «выписокъ изъ книгъ») на приказъ патріаршій и ходатайства о его отмѣнѣ [2]). Въ виду того, что рѣчь шла о предметахъ, хорошо извѣстныхъ для всякаго старорусскаго начетчика, можно думать, что составленіе челобитной заняло не много времени, и къ концу второй не-

---

[1]) Тамъ же; ср. т. I, стр. 99—100. М. 1874.

[2]) Эта первая по времени челобитная противниковъ книжнообрядоваго исправленія, предпринятаго п. Никономъ, не сохранилась до нашего времени; о содержаніи ея мы знаемъ только, что она представляла отвѣтъ на приказъ о перстахъ и поклонахъ и что въ ней „много писано было“ (Матер. т. V, стр. 18—19). Послѣднее замѣчаніе даетъ основаніе думать, что возраженіе было не голословное, а сопровождалось извѣстнаго рода аргументаціей. О характерѣ ея можно высказать довольно вѣроятное предположеніе, имѣя въ виду тѣ основанія въ пользу двуперстія, какія могли вычитываться ревнителями обрядовой „старины“ въ 31 главѣ Стоглава, и тѣ возраженія по вопросу о поклонахъ, какія были сдѣланы немного позже, на соборѣ 1654 г., однимъ изъ членовъ ревнительскаго кружка, коломенскимъ епископомъ Павломъ (см. Дѣяніе московскаго собора 1654 г., изд. подъ ред. *Н. Субботина*, л. 21. М. 1873). „Выписки“ были поданы на имя царя; онъ же—замѣчаетъ прот. Аввакумъ—„не вѣмъ гдѣ скрылъ ихъ, мнитмися Никону отдалъ“ (Матер. т. V, стр. 19).

дѣли поста (что̀, по числамъ, соотвѣтствуетъ третьей недѣлѣ въ текущемъ году) она уже была готова къ подачѣ царю отъ имени всей «братіи», въ составѣ которой, кромѣ названныхъ лицъ и еще нѣсколькихъ протопоповъ и священниковъ, былъ даже одинъ епископъ—Павелъ коломенскій. Такъ, ровно 250 лѣтъ тому назадъ, заявленъ былъ первый протестъ противъ распоряженій п. Никона, разросшійся потомъ до размѣровъ крупнаго народно-религіознаго движенія, извѣстнаго подъ именемъ старообрядческаго раскола,—брошено первое зерно церковнаго раздѣленія, печальнымъ всходамъ котораго, быть можетъ, въ этотъ самый день истекаетъ срокъ $2^1/_2$—вѣкового юбилея.

Что же это за распоряженіе, такъ сильно смутившее современниковъ и длинною цѣпью скорбныхъ послѣдствій отразившееся на судьбѣ ихъ отдаленныхъ и близкихъ потомковъ? Вникая въ содержаніе патріаршей «памяти», православный человѣкъ нашего времени не сразу, пожалуй, окажется въ состояніи понять связь между нею и послѣдующими событіями и не легко повѣрить искренности свидѣтельствъ о потрясающемъ впечатлѣніи, ею произведенномъ. Въ самомъ дѣлѣ, возможна ли тревога за чистоту и незыблемость православія по поводу наставленія о томъ, что слѣдуетъ молиться тремя перстами, а не двумя, и полагать извѣстное количество малыхъ, а не земныхъ поклоновъ при чтеніи великопостной молитвы св. Ефрема Сирина? И однако тревога была вызвана, а искренность ея такъ внушительно засвидѣтельствована стойкостью первыхъ расколоучителей въ своихъ убѣжденіяхъ и ихъ печальною судьбой, что предъ лицемъ такого свидѣтельства не много остается мѣста для сомнѣній. Но чтобы вполнѣ уяснить себѣ историко-психологическую возможность указаннаго явленія, необходимо воспроизвести предъ своимъ сознаніемъ, хотя бы лишь въ самыхъ общихъ и основныхъ чертахъ, тотъ своеобразный укладъ понятій и настроеній, который характеризуетъ значительную часть русскаго общества къ половинѣ XVII вѣка. Это была

эпоха наивысшаго разцвѣта религіозно-національныхъ мечтаній, затемнившихъ въ сознаніи многихъ русскихъ людей великую идею вселенскаго православія и подмѣнившихъ ее представленіемъ о мѣстно-національной русской церкви, на обычаи и установленія которой была перенесена мысль о святости и неизмѣнности существенныхъ основъ церковной жизни. Русь успѣла уже къ тому времени заявить устами и перомъ своихъ книжниковъ, что ея традиціонныя религіозно-бытовыя формы суть не только показатели чистоты православія, но и необходимое условіе дальнѣйшаго продолженія обще-міровой жизни, конецъ которой неизбѣжно долженъ послѣдовать за искаженіемъ православія въ послѣднемъ, третьемъ Римѣ — Москвѣ. Я не имѣю возможности подробнѣе остановиться въ настоящемъ случаѣ на выясненіи историческихъ условій, подъ вѣковымъ воздѣйствіемъ которыхъ сложились такія понятія въ древне-русской средѣ [1]); но не могу не отмѣтить, что вліяніе ихъ было широко и могущественно. Оно создало тотъ преувеличенный страхъ предъ всякимъ «новшествомъ» въ области религіозной жизни, который заставлялъ русскихъ людей относиться съ сомнѣніемъ ко всякой, хотя бы и самой незначительной перемѣнѣ въ церковной обрядности и боязливо сторониться отъ духовнаго общенія съ иноземцами, давно уже поголовно признанными за утратившихъ религіозную истину. Вотъ этотъ-то вѣками воспитанный страхъ и проявился въ тревогѣ упомянутыхъ ранѣе лицъ по поводу перваго распоряженія патріарха Никона объ измѣненіи русской обрядности въ соотвѣтствіе съ обрядовою практикою греческой церкви. Въ ихъ протестѣ противъ этого распоряженія ярко сказалась типическая, наиболѣе характерная сторона древнерусской мыслительности, ставшая основнымъ *положитель-*

[1]) Такое выясненіе читатель можетъ найти въ нашей брошюрѣ: „Русскій расколъ и вселенское православіе“ (публичная лекція), стр. 9 и слѣд. Спс. 1898.

нымъ принципомъ и только что зарождавшагося старообрядческаго раскола: крайній консерватизмъ въ области мысли и жизни, стремленіе остаться неизмѣнно вѣрнымъ всему наслѣдію прошлаго, освященному авторитетомъ сѣдой старины. «До насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣкомъ», — вотъ тотъ девизъ, который заявило отдѣлившееся отъ церкви старообрядчество устами одного изъ первыхъ своихъ вождей (протопопа Аввакума) и который хотѣло оно сдѣлать закономъ своей жизни на всѣ послѣдующія времена.

Но однимъ этимъ положительнымъ принципомъ не исчерпывается совокупность руководящихъ началъ, ставшихъ основою первоначальнаго раскола. Разросшійся изъ частичнаго протеста немногихъ лицъ противъ патріаршей «памяти» о перстахъ и поклонахъ до степени массоваго народнаго движенія противъ всѣхъ послѣдующихъ церковно-обрядовыхъ исправленій п. Никона, расколъ былъ осужденъ на Большомъ московскомъ соборѣ 1667 года. Это осужденіе, подвергшее упорныхъ защитниковъ старой обрядности церковной анаѳемѣ и разнообразнымъ «градскимъ казненіямъ», отъ урѣзанія языковъ и біенія жилами по примѣрамъ изъ византійской исторіи [1]) до сожженія въ срубахъ по «Уложенію» 1649 года (гл. 1, ст. 1—3), естественно должно было поставить расколъ въ рѣзкую оппозицію какъ къ церковной, такъ и къ государственной власти, а равно и ко всѣмъ тѣмъ, кто остаются въ повиновеніи той и другой. Эсхатологическія ожиданія [2]) и опасенія, широко распространенныя въ древне-русской письменности и цѣликомъ усвоенныя расколомъ въ эпоху его возникновенія, еще болѣе обостряли эту оппозицію, заставляя видѣть въ господствующей церкви и ставшемъ на ея сторону государствѣ орудія послѣдняго врага Божія—антихриста, который можетъ открыться вскорѣ, такъ какъ съ окончательнымъ потемнѣніемъ православія въ

---

[1]) См. Матер. для ист. раск., т. II, стр. 373—5.

[2]) То-есть ожиданія конца міра.

русской землѣ ‹иного отступленія не будетъ, вездѣ бо бысть›[1]). Эти воззрѣнія и опасенія, въ той или другой мѣрѣ раздѣлявшіяся всѣми послѣдователями первоначальнаго раскола, неизбѣжно ставили ихъ въ безусловно-отрицательное отношеніе къ православной церкви, вмѣстившей ‹всѣхъ еретиковъ отъ вѣка ереси› въ свои новоисправленныя книги, къ государственной власти съ ея верховными представителями, ибо ‹то суть рóзи антихристовы и ими сильно все противническое дѣйство›, наконецъ—ко всему православному обществу, запечатлѣвающему себя печатью яко-бы антихристовою въ троеперстномъ сложеніи. Полный разрывъ, разобщеніе съ ними должно было стать, такимъ образомъ, постояннымъ боевымъ знаменемъ и *отрицательнымъ* опредѣленіемъ старообрядчества, желавшаго сохранить неизмѣнную вѣрность преданіямъ древлеотеческой старины.

Итакъ, неизмѣнно охраняемый во всей своей неприкосновенности дониконовскій религіозно-бытовой строй, огражденный отъ всякой примѣси со стороны еретичествующаго ‹никоніанства›, — вотъ чѣмъ хотѣлъ быть, съ первыхъ до послѣднихъ дней своего существованія, русскій старообрядческій расколъ. Немного, однако, потребовалось времени, чтобы показать всю трудность для его послѣдователей неуклонно держаться указанныхъ теоретическихъ началъ подъ внушительными воздѣйствіями жизни, выбитой изъ своей привычной колеи. Даже въ раннюю пору наивысшаго подъема отрицательныхъ чувствъ и враждебныхъ настроеній въ отношеніи къ послѣдователямъ господствующей церкви трудно было избѣжать постояннаго жизнеобщенія съ ними и почти невозможно стать внѣ вліянія существующаго общественнаго строя съ государственною властью во главѣ. Не менѣе затрудненій возникало для раскола и на пути къ осуществленію его положительной задачи—быть прямымъ продолженіемъ дониконо-

[1]) Матер. для ист. раск. т. VI, стр. 66.

новской церкви во всѣхъ мелочныхъ подробностяхъ своего религіознаго строя и быта при томъ поистинѣ «безпримѣрномъ» положеніи, въ какомъ оказался онъ по отпаденіи отъ господствующей церкви. Неблагопріятныя для безпрепятственнаго выполненія богослужебно-обрядовыхъ предписаній условія безправнаго положенія раскола въ государствѣ и отсутствіе въ старообрядческой средѣ единомысленнаго ей епископа (за смертію единственнаго, открыто ставшаго на сторону протеста, коломенскаго епископа Павла) создавали ту крайнюю «нужду изъ нуждъ», о которой болѣе подробная рѣчь намъ еще предстоитъ впереди. Дальнѣйшая исторія старообрядчества еще болѣе обострила эту коллизію между его основными теоретическими принципами и практическими требованіями жизни, вынуждавшими идти на необходимыя уступки и компромиссы. Основнымъ закономъ жизни при этомъ становилось положеніе, что «по нуждѣ и закону премѣненіе бываетъ», благодаря чему всякое вынужденное практическою необходимостью отступленіе отъ исконныхъ обычаевъ и правилъ получало какъ бы нѣкоторую санкцію, быстро превращавшую исключительный, «смотрительный» случай въ постоянный, «обдержный» законъ. Такъ постепенно возникали и наростали въ расколѣ тѣ многочисленныя и разнообразныя измѣненія его первоначальной доктрины, которыя, будучи приняты одними и не встрѣтивъ сочувствія у другихъ, порождали рознь среди послѣдователей «древляго благочестія» и вызывали распаденіе ихъ на несогласныя между собою «согласія» и толки. Это непрерывное саморазложеніе раскола подъ давленіемъ роковой необходимости составляетъ основной мотивъ его внутренней исторіи, ярко свидѣтельствующій о неправотѣ коренныхъ основъ отдѣлившагося отъ церкви старообрядчества; онъ заслуживаетъ, поэтому, глубочайшаго вниманія какъ со стороны православныхъ, болѣющихъ сердцемъ о вѣковомъ церковномъ раздѣленіи, такъ и со стороны честныхъ искателей церковной истины изъ среды самихъ старообряд-

невъ.—Настоящее чтеніе имѣетъ въ виду прослѣдить этотъ процессъ саморазложенія въ одной половинѣ старообрядческаго раскола, такъ называемой *поповщины*, которая сравнительно съ другой, безпоповщинской частью его, осталась болѣе вѣрною преданіямъ и установленіямъ «древле-благочестивой» старины. Задача наша будетъ состоять въ томъ, чтобы отмѣтить основные моменты названнаго процесса и уяснить ихъ зависимость отъ неизбѣжнаго разлада между указанными руководящими началами раскола и практическими требованіями жизни его послѣдователей.

II.

Несостоятельность этихъ руководящихъ началъ старообрядческаго раскола и невозможность послѣдовательнаго примѣненія ихъ безъ противорѣчія жизненнымъ требованіямъ обнаружилась, впрочемъ, достаточно ясно уже въ самомъ фактѣ распаденія раскола на безпоповщину и поповщину. Признавши господствующую церковь отпавшею отъ истины и ставши въ безусловно-отрицательное отношеніе къ ней и всѣмъ ея послѣдователямъ, расколъ объявилъ себя и желалъ, какъ мы видѣли, навсегда остаться прямымъ продолженіемъ дониконовской «истинной» церкви. Но это налагало на него обязанность осуществить въ себѣ и всѣ признаки ея, а къ числу этихъ признаковъ, по катихизическому опредѣленію, кромѣ соблюденія правой вѣры и принятія св. таинствъ, принадлежитъ пребываніе «подъ единою главою — Господомъ нашимъ Іисусъ Христомъ, а подъ правленіемъ совершенныхъ святыхъ», т.-е. пастырей и архипастырей, «отъ Него поставленныхъ» [1]). Между тѣмъ, стройность и полнота іерархическаго управленія раскольнической общины, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безпрепятственная доступность таинствъ для ея послѣдовате-

[1]) Б. Катихиз. гл. 25, л. 120.

лей уже на самыхъ первыхъ порахъ значительно затруднялись недостаточностью по мѣстамъ «древле-благочестивыхъ» священниковъ и невозможностью пополненія ихъ числа новыми, чрезъ рукоположеніе отъ «древле-благочестиваго» епископа, за отсутствіемъ такового. Вопросъ объ іерархіи, такимъ образомъ, неизбѣжно долженъ былъ получить первостепенное значеніе во внутренней жизни первоначальнаго раскола. Острота этого вопроса и неотложность его опредѣленнаго рѣшенія значительно, впрочемъ, умѣрялись какъ недостаточно еще назрѣвшей степенью «нужды» (ибо поповъ стараго рукоположенія, не принявшихъ «новизны», было, въ общемъ, все-таки не мало), такъ и невыясненностью положенія самого раскола. Одна часть его послѣдователей, какъ мы уже видѣли, держась на почвѣ эсхатологическихъ мнѣній, склонна была ожидать близкаго наступленія кончины міра вслѣдъ за «послѣднимъ отступленіемъ», совершившимся въ русской церкви. По свидѣтельству одного изъ первыхъ расколоучителей, уже около 1670 г. были нѣкоторые, предсказывавшіе «*скоро зѣло* быти преставленію свѣта сего»[1]). Другіе не раздѣляли этихъ мрачныхъ опасеній и, оплакивая отступленіе господствующей церкви отъ истины, не теряли надежды на возстановленіе «древляго благочестія» и чаяли скораго «поправленія о Христѣ Іисусѣ»[2]). Протопопъ Аввакумъ въ посланіи изъ пустозерской тюрьмы убѣждалъ царя Алексѣя Михайловича возстановить старину и отпустить на волю всѣхъ, взятыхъ въ узы, ея ревнителей, увѣренно предупреждая, что сынъ его, все равно, сдѣлаетъ же это по смерти отца: «на шестомъ соборѣ бысть же сіе, — Константинъ Брадатый проклялъ же мучителя, отца своего, еретика, и всѣмъ вѣрнымъ и страждущимъ по Христѣ животъ дарова. Тако глаголетъ Духъ Святый мною, грѣшнымъ рабомъ своимъ: и здѣсь то же будетъ

[1]) Матер. для ист. раск., т. VII, стр. 419.

[2]) Матер. т. V, стр. 25; ср. т. IV, стр. 267—8 и др.

послѣ тебя!»[1]). Очевидно, для тѣхъ, кто держался любого изъ указанныхъ взглядовъ, не было практической надобности ставить вопросъ о томъ, какъ примирить данное фактическое положеніе съ «обдержнымъ» закономъ церковной жизни: для тѣхъ и другихъ дѣло шло о кратковременномъ «нуждномъ» времени, которое «изъ правилъ вышло». Чтобы указать выходъ изъ затрудненій этого исключительнаго времени, достаточно было частичныхъ наставленій непринципіальнаго характера, которыми въ большинствѣ случаевъ и ограничиваются первые расколоучители. Нужно, однако, замѣтить, что уже въ этихъ наставленіяхъ сказывается коренная рознь тѣхъ двухъ путей, какими предстояло идти расколу и которые, расходясь впослѣдствіи все дальше и дальше, привели его къ распаденію на двѣ основныя группы. Поводомъ къ обнаруженію этой розни послужилъ выдвинутый на очередь постепенною убылью поповъ стараго рукоположенія вопросъ о томъ, нельзя ли до конца переживаемаго «горькоплачевнаго» времени пополнять эту убыль попами новорукоположенными, но возлюбившими старину и отрекшимися отъ никоніанскихъ «новодогматствованій». Типичнымъ представителемъ одного изъ мнѣній по данному вопросу является дьяконъ Ѳеодоръ, въ сочиненіяхъ котораго не трудно найти мѣста, довольно опредѣленно говорящія о близкомъ и неизбѣжномъ наступленіи послѣднихъ, антихристовыхъ временъ. Въ виду тѣсной связи этихъ ожиданій скораго конца міра съ мнѣніемъ о крайнемъ отступленіи господствующей церкви, возлюбившей «пестрообразную прелесть еретичества», вполнѣ естественъ въ воззрѣніяхъ названнаго расколоучителя крайній ригоризмъ, исключающій возможность принятія какихъ бы то ни было священнодѣйствій отъ «никоніянъ». Крещеніе ихъ «нѣсть крещеніе, но паче осквернѣніе»[2]); тѣмъ болѣе это нужно

[1]) Матер. т. VIII, стр. 45.
[2]) Матер. т. VI, стр. 202.

сказать о ихъ хиротоніи, которая отнюдь не должна быть пріемлема у «древлеправославныхъ». Даже попы стараго рукоположенія, «соблазнившіеся отъ Никона» и потомъ, раскаявшись, начавшіе опять «по древнему служити», могутъ быть принимаемы лишь по крайней нуждѣ, «кромѣ же нужи никакоже» [1]). Для болѣе яснаго различенія поповъ стараго и новаго рукоположенія Ѳеодоръ обращается къ примѣру. «Нынѣ,—говоритъ онъ—раздвоеніе въ людѣхъ, да познаетъ пагубникъ, кто Божій, кто еговъ... Такоже и попы на два чина разсѣклися—студныя и мерзкія, какъ при Иліи бысть вааловы жрецы. Что же студныя тогда быша? Кои жертву Богу приношаху по закону, данному имъ, и освящени Богу до Ахавля отступленія. Егда же повелѣ Ахавъ жертву приносити Ваалу вмѣсто Бога, тогда они нечестиваго велѣнія послушавше царева, и служаху Ваалу, яко Богу, и сего ради студныя глаголются священники по отступленіи. И сему подобны суть попы старыхъ архіереовъ ставленники, покинувше истинную службу отецъ своихъ и наченше льстивую и развращенную приносити по новымъ служебникамъ еретическую жертву. Мерзкіе же вааловы жрецы сіе есть: кои въ новой службѣ поставлени суть, Ваалу же, паче бѣсомъ служити... Всѣхъ ихъ вкупѣ, мерзкихъ и студныхъ, единъ Илія святый, обличивъ и ревности Божія исполнився, закла ножемъ, аки свиней. И новые ставленники нынѣ отъ новыхъ отступниковъ мерзкимъ онымъ подобны, къ оной службѣ поставлени. И сіи обои неправы суть: духовнымъ ножемъ, святыхъ отецъ ревностію, отсѣкаются священства. Да по нужди отъ старыхъ рукоположенцовъ можно благословеніе пріимати, обратившихся паки на истину, якоже выше рѣхомъ о семъ» [2]).—Выразителемъ иного мнѣнія по тому же вопросу является авторитетнѣйшій первоучитель и законодатель раскола, «священнопротопопъ» Аввакумъ. При всей

---

[1]) Тамъ же, стр. 62.

[2]) Тамъ же, стр. 74—5.

рѣзкости его сужденій о п. Никонѣ и «никоніанствѣ», отношенія его къ православной церкви отличаются большею терпимостью сравнительно съ изложенными мнѣніями дьякона Ѳеодора. Не отрицая «никоніанскаго» крещенія, а лишь требуя обрядоваго навершенія его по особому чину [1]), онъ не отрицаетъ и дѣйственности никоніанской хиротоніи, ставя значеніе священнодѣйствій въ зависимость не отъ того, гдѣ получено рукоположеніе, а отъ личной настроенности священнодѣйствующаго и степени его преданности «древлеблагочестивой» старинѣ. «А ижъ новопоставленный попъ—читаемъ мы въ одномъ изъ его посланій—пріидетъ въ покаяніе и прокленетъ ересь никоніанскую и чисто учнетъ хранити старое благочестіе, таковый да глаголетъ: «Благословенъ Богъ» и возгласъ: «яко Твое есть царство», и служитъ вечерню, и утреню, и часы, и молитвы роженицамъ говоритъ и креститъ, а литоргисать ему не повелѣваю: страшно дѣло сіе и чистыхъ рукополагаемыхъ. Аще ли постраждетъ отъ мучителей и кровь свою изліетъ за старое благочестіе, мню, тогда можетъ освятитися отъ Вышняго рукоположеніемъ и будетъ оттолѣ попъ совершенъ: литоргисавъ и причащаетъ невозбранно» [2]). Такой новопоставленный попъ, по Аввакуму, безусловно лучше рукоположеннаго по старому, но не твердаго въ преданіяхъ старины. Эта мысль съ пластическою выразительностью высказана въ «Книгѣ ко всѣмъ горемыкамъ миленькимъ»—въ слѣдующемъ разсужденіи «священнопротопопа»: «по старому служебнику и новопоставленный попъ, аще въ немъ духъ не богопротивенъ, да крститъ ребенка: гдѣ же дѣтца? нужда стала! Аще и старый попъ по новому служебнику, непріятно. Есть, пишетъ въ правилахъ, не всѣхъ Духъ Святый рукополагаетъ, но всѣми дѣйствуетъ, кромѣ еретика. И я то помышляю: иной станетъ въ попы—тѣ, а душею о старинѣ—той горитъ. Та-

---

[1]) Матер. т. VIII, стр. 68—9.

[2]) *Бороздинъ А. К.* Протопопъ Аввакумъ. Прилож., стр. 14. Спб. 1900.

ковыхъ по нуждѣ пріемлемъ. Аще богоборствуетъ и старый чортъ, плюнь на него и съ паками»[1]).

Мы видимъ, что въ приведенныхъ разсужденіяхъ обоихъ расколоучителей первостепенное значеніе имѣютъ ссылки на крайнюю «нужду» исключительно-тяжелаго времени, которое «изъ правилъ вышло» Ни тотъ ни другой, давая свои практическія наставленія, отнюдь не имѣлъ въ виду узаконять постоянныхъ руководящихъ началъ для раскола на все неопредѣленно-долгое время его дальнѣйшаго существованія, въ твердой увѣренности, что данное положеніе вещей кратковременно, и жизнь не замедлитъ придти къ своему послѣднему концу, или же вступить въ обычныя, всегдашнія свои нормы. Однако, увѣренность подобныхъ соображеній, устранявшихъ необходимость принципіальнаго разрѣшенія возникшихъ вопросовъ, слабѣла сама собою по мѣрѣ того, какъ дальнѣйшимъ ходомъ событій въ средѣ послѣдователей раскола подрывалась мысль о близости осуществленія эсхатологическихъ опасеній однихъ и оптимистическихъ ожиданій другихъ. Ни тѣ, ни другія не изсякли въ расколѣ совсѣмъ; но эсхатологическія представленія, смѣнивши цѣлый рядъ отдѣльныхъ лицъ, въ которыхъ испуганная мысль старообрядцевъ склонна была видѣть воплощеніе «послѣдняго врага Божія», переработались въ ученіе о *духовномъ царствѣ антихриста,* имѣющемъ длиться неопредѣленно-много лѣтъ, а исполненіе оптимистическихъ надеждъ на «поправленіе о Христѣ Іусѣ» явно также затягивалось надолго. Становилось очевиднымъ для каждаго, что исключительная «нужда» раскола продлится еще не мало времени, притомъ—постепенно нарастая въ своей силѣ вслѣдствіе продолжающагося оскудѣнія «древлеблагочестивыхъ» поповъ. При такихъ обстоятельствахъ оказывался неизбѣжнымъ переходъ отъ практическихъ наставленій временнаго назначенія къ установленію новыхъ *законовъ жизни* для старообрядческаго раскола въ измѣнившихся условіяхъ его дальнѣйшаго существова-

[1]) Тамъ же, стр. 13—14.

нія. Въ этой законодательной работѣ расколъ, вѣрный *своимъ* авторитетамъ, пошелъ въ тѣхъ самыхъ двухъ направленіяхъ, какія были намѣчены въ приведенныхъ мною руководственныхъ указаніяхъ двухъ знаменитыхъ его первоучителей. Одни изъ раскольниковъ, принявши мысль о духовномъ царствѣ антихриста и всецѣло отвергши таинства, будто бы, зараженной его «скверною» господствующей церкви, признали безусловно недѣйственною и ея іерархію; а такъ какъ «древлеблагочестивыхъ» поповъ, крещенныхъ и рукоположенныхъ по старому, почти уже не было, то и рѣшили *остаться совсѣмъ безъ поповъ*, руководясь положеніемъ, приведеннымъ въ одномъ изъ посланій дьякона Ѳеодора, что «лучше ни отъ кого же наставлятися, нежели отъ злаго водиму быти» [1]). Окончательную формулировку такое рѣшеніе іерархическаго вопроса получило на новгородскомъ раскольничьемъ «соборѣ» 1694 г., на которомъ были провозглашены уже въ видѣ догмата слѣдующія положенія: «Несомнѣнно намъ вѣрить и прочимъ ученіе творить, еже есть: по грѣхомъ нашимъ въ кончину вѣка достигохомъ, въ няже и антихристъ царствуетъ въ мірѣ нынѣ, но царствуетъ духовно» и «въ няже православнаго священства *въ концѣ* по благочестію лишились» [2]). Другіе пошли по пути, преднамѣченному протопопомъ Аввакумомъ, энергично отстаивавшимъ мысль о неодолѣнности священства даже и въ антихристовы времена и съ недоумѣніемъ спрашивавшимъ: какъ же можно міру быть безъ поповъ? [3]) Свою нужду въ лицахъ рукоположенныхъ, за крайнимъ оскудѣніемъ поповъ стараго поставленія, эта часть раскола признала возможнымъ на все будущее «нуждное» время удовлетворять принятіемъ къ себѣ новопоставленныхъ священниковъ, приходящихъ отъ господствующей церкви. Окончательное

---

[1]) Матер. для ист. раск., т. VI, стр. 63.

[2]) *Проф. Смирновъ П. С.* Внутренніе вопросы въ расколѣ въ XVII в., прилож., стр. 41—2. Спб. 1898.

[3]) *Бороздинъ*, цит. соч., прилож., стр. 14.

утвержденіе этого взгляда, въ качествѣ руководящаго принципа, можетъ быть пріурочено приблизительно къ тому же самому времени—къ концу XVII вѣка: въ 1695 г. на Вѣткѣ была отстроена и торжественно освящена церковь при участіи поповъ «новаго» поставленія и съ тѣмъ, чтобы они и впредь могли совершать въ этой церкви литургіи для приношенія безкровной жертвы. Такъ произошло распаденіе старообрядческаго раскола на поповщину и безпоповщину.

Всматриваясь въ этотъ важнѣйшій моментъ исторіи внутренняго саморазложенія старообрядчества, не трудно замѣтить, что обѣ половины послѣдняго въ своемъ рѣшеніи іерархическаго вопроса не только непримиримо враждебны одна другой, но и стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ первоначальными основоположеніями раскола. Безпоповщинское рѣшеніе остается всецѣло на почвѣ рѣзко-отрицательнаго отношенія къ православной церкви, какъ царству антихриста и вмѣстилищу всѣхъ ересей; но ревниво оберегая этотъ *отрицательный* принципъ, провозглашенный расколомъ, оно обрекаетъ его послѣдователей, когда-то изъявлявшихъ готовность умереть за единую букву «азъ», на необходимость лишиться іерархіи и таинствъ, а у старообрядческаго общества отнимаетъ эти необходимые признаки истинной церкви Христовой. Въ противоположность этому поповщина стремится остаться неизмѣнно вѣрною *положительному* принципу первыхъ вождей старообрядчества и сохранить у себя во всей неприкосновенности всѣ формы церковнаго устройства и жизни дониконовскихъ временъ; но то, чего ей удается достигнуть въ этомъ направленіи, достигается цѣною отреченія отъ крайности отрицательнаго взгляда на православную церковь и признанія на первыхъ порахъ значенія хотя за однимъ изъ ея священнодѣйствій—хиротоніей. Жизнь своимъ неумолимымъ давленіемъ, такимъ образомъ, очень скоро разрушила внутреннюю цѣлость раскола и показала шаткость его коренныхъ основъ.

III.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что изложенный сейчасъ выводъ, столь неблагопріятный для старообрядческаго раскола, на первыхъ порахъ болѣе замѣтно выступаетъ въ примѣненіи къ безпоповщинской его половинѣ, чѣмъ къ такъ называемой поповщинѣ. Уступка, сдѣланная послѣднею практическимъ требованіямъ жизни, заключалась первоначально — какъ мы уже видѣли — лишь въ томъ, что признано было возможнымъ принимать въ старообрядческое общество священниковъ, рукоположенныхъ «по новому», но крещенныхъ и мvропомазанныхъ еще по преданіямъ «древлеблагочестивой старины». Послѣднее обстоятельство давало возможность подводить такихъ обращенцевъ въ старообрядчество подъ категоріею еретиковъ третьяго чина, принимаемыхъ чрезъ *покаяніе* съ отреченіемъ отъ ересей, и мы дѣйствительно видимъ, что такая именно практика и примѣнялась къ духовнымъ лицамъ, обращавшимся изъ «никоніанства» въ расколъ въ первые годы его существованія [1]). На ряду съ этимъ еще оставалось въ полной силѣ отрицательное отношеніе ко всѣмъ остальнымъ мнимо-еретическимъ священнодѣйствіямъ господствующей церкви; даже крещеніе, полученное въ ней, продолжало считаться недѣйствительнымъ, и первые «древлеблагочестивіи» іереи на Вѣткѣ—Козьма, Стефанъ, Іовъ—«приходящихъ новокрещенныхъ повторяху своимъ крещеніемъ» [2]). Однако уже близилось время, когда окончательно сойдутъ со сцены новорукоположенные попы стараго крещенія, и передъ старообрядчествомъ, «окормляемымъ» бѣгствующимъ отъ греко-россійской церкви священствомъ, возникалъ во всемъ своемъ грозномъ значеніи вопросъ о возможности

---

[1]) *Проф. Смирновъ*, цит. соч., стр. 144.

[2]) Лѣтописи русск. лит. и древн., изд. *Тихонравова*, т. IV, отд. III стр. 61.

или невозможности принятія бѣглыхъ поповъ, не только рукоположенныхъ, но и крещенныхъ «по новому», и о способѣ ихъ чинопріема. Разрѣшенный утвердительно въ первой своей половинѣ подъ давленіемъ крайней нужды,— такъ какъ иначе и этой части раскола пришлось бы совсѣмъ отказаться отъ священства и пойти вслѣдъ за безпоповщиной,— вопросъ этотъ второю половиною вынуждалъ послѣдователей поповщинской доктрины къ новому отступленію отъ строгости общихъ первоначальныхъ основъ. Правда, неизбѣжная настоятельность такого отступленія была сознана не сразу, и суровое, въ духѣ первоначальнаго ригоризма, требованіе повторенія или, по крайней мѣрѣ, навершенія «никоніанскаго» крещенія было признано обязательнымъ и въ отношеніи бѣглыхъ поповъ. Мы имѣемъ свидѣтельство, что въ одномъ изъ главныхъ центровъ бѣглопоповщины въ раннюю пору ея существованія, на Вѣткѣ, «учинили сіе надъ однимъ священникомъ, котораго вѣтковскіе попы, съ бабьяго совѣта, перекрестили; но, дабы послѣ перекрещенный попъ не лишился священства, то прежде одѣли онаго во все полное священническое облаченіе, и тако попа погрузили въ воду, который послѣ сего и оставался въ первомъ санѣ»[1]). Въ другихъ случаяхъ ограничивались, по выраженію того же свидѣтельства, «политическимъ», а не дѣйствительнымъ крещеніемъ, которое отправлялось слѣдующимъ образомъ: переходящій отъ православной церкви къ вѣтковскому согласію попъ, послѣ нѣкотораго поста и исповѣди, приходилъ въ церковь или часовню въ полномъ священническомъ облаченіи; здѣсь, близъ приготовленной купели, въ присутствіи кума и кумы съ ризками, совершался весь чинъ крещенія по старинному требнику, кромѣ погруженія въ воду; кумъ, обвивши себя и крестника за шею приготовленнымъ на ризки холстомъ, обходилъ съ нимъ трижды

[1]) *А. Іоанновъ (Журавлевъ)*, Полное историч. извѣстіе о древн. стригольн. и нов. раск., ч. III, стр. 9. Спб. 1855.

посолонь купель при пѣніи стиха: «Елицы во Христа крестистеся», послѣ чего совершающій чинопріемъ попъ мазалъ новоприсоединяемаго мѵромъ «по всѣмъ членамъ, какъ въ потребникѣ значитъ, отворачивая вездѣ облаченіе и не снимая ни мало ризъ, да не како снявши ризы при семъ дѣйствіи, снимутъ купно съ него и хиротонію» [1]). Подобная же практика существовала и на Керженцѣ, гдѣ, вмѣсто полнаго крещенія, обводили попа «около горшка съ водой» и оставляли въ сущемъ санѣ [2]). Но эти наивныя усплія «исправить» крещеннаго «по новому» попа, не снимая съ него ризъ, сами по себѣ уже достаточно ясно говорятъ о тѣхъ затрудненіяхъ, какія испытывали бѣглопоповцы, тщетно стараясь примирить строгость прежнихъ воззрѣній на «никоніанскую» церковь съ необходимостью принимать крещенныхъ и рукоположенныхъ въ ней поповъ. Не удивительно поэтому, что требованіе перекрещиванія приходящихъ отъ нея смѣнилось практикою чинопріема бѣглыхъ поповъ чрезъ *мѵропомазаніе* съ сохраненіемъ ихъ степеней. Это было новымъ шагомъ по пути уступокъ изъ первоначальнаго ригоризма отношеній старообрядческаго раскола къ православной церкви, которая, съ признаніемъ дѣйствительности совершаемаго въ ней крещенія, переходила въ разрядъ второчинныхъ ересей; но и на этомъ онъ не могъ еще остановиться. Не говоря уже о томъ, что возможность устойчиваго примѣненія указанной практики была обусловлена существованіемъ мѵра, котораго къ концу XVII в. даже въ такомъ центрѣ старообрядчества, какъ Вѣтка, оставалось отъ дониконовскихъ временъ лишь «съ малую поллошку» [3]), новое же, сваренное здѣсь попомъ Ѳеодосіемъ, справедливо было отвергнуто, какъ незаконное,— самая правильность чинопріема духовныхъ лицъ въ сущемъ санѣ чрезъ мѵро-

---

[1]) Тамъ же, стр. 10—11.

[2]) *Проф. Смирновъ*, цит. соч., стр. 145.

[3]) Тамъ же, стр. 150.

помазаніе не могла не представляться сомнительною для болѣе разсудительныхъ изъ самихъ старообрядцевъ. Дѣло въ томъ, что церковныя правила и практика древнихъ временъ допускаютъ присоединеніе еретическихъ духовныхъ лицъ безъ потери ими сана лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда данная форма отклоненія отъ церковной истины допускаетъ возможность увращеванія чрезъ простое *покаяніе* и отреченіе отъ ересей. Требовалась, такимъ образомъ, новая уступка изъ привычныхъ предубѣжденій старообрядчества противъ православной церкви и новое отклоненіе отъ одной изъ его первоначальныхъ основъ. Это мы и находимъ въ бѣглопоповщинскомъ толкѣ *дьяконовцевъ*, выдѣлившемся въ первой четверти XVIII в. и получившемъ названіе отъ основателя своего, настоятеля одного изъ керженскихъ скитовъ, дьякона Александра. Отличительную особенность названнаго толка составляетъ признаніе его послѣдователями за правильныя и не противныя благочестію нѣкоторыхъ формъ церковной обрядности, отвергнутыхъ первоначальнымъ расколомъ (четвероконечный крестъ, чтеніе молитвы Іисусовой съ словами: «Боже нашъ»), и вообще болѣе терпимое отношеніе къ господствующей церкви, допускавшее возможность принятія бѣгствующихъ отъ нея священниковъ по *третьему* чину. Споры по этому послѣднему вопросу, возникшіе между дьяконовцами и сторонниками прежней «перемазанской» практики, достигли своего крайняго напряженія на такъ называемомъ «перемазанскомъ» соборѣ, происходившемъ въ Москвѣ, на Рогожскомъ кладбищѣ, въ концѣ 1779 и началѣ 1780 года. Окончательный разрывъ, происшедшій здѣсь между спорящими сторонами, послужилъ сильнымъ толчкомъ для одной изъ нихъ искать дальнѣйшаго сближенія съ православною церковью—въ *единовѣріи*, мысль о которомъ зарождается вслѣдъ за тѣмъ въ дьяконовскомъ населеніи стародубскихъ слободъ. Какъ бы въ противовѣсъ этому изъ среды тѣхъ, кто остались вѣрными практикѣ чинопріема чрезъ миропомазаніе, въ тѣхъ же самыхъ стародубскихъ слободахъ

выдѣляются, незадолго до перемазанскаго собора, толки *чернобольцевъ и сусловцевъ*, а въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія, такъ называемое, *лужковское* согласіе, въ которыхъ замѣтна тенденція приблизить снова бѣглопоповщину къ отрицательнымъ тенденціямъ первоначальнаго раскола. Въ отличительныхъ особенностяхъ перваго изъ названныхъ толковъ: отверженіи присяги и молитвы за царя, непринятіи паспортовъ, запрещеніи идти на государственную службу — не трудно замѣтить отголоски той идеи объ антихристѣ и его господствѣ въ мірѣ, которую поповцы должны были оставить, рѣшившись принимать «бѣгствующихъ» іереевъ отъ господствующей церкви. Возвращеніе къ этой идеѣ съ ея крайне-отрицательными выводами и на ряду съ этимъ — готовность принимать бѣглыхъ великороссійскихъ поповъ представляли рѣзкую непослѣдовательность и совершенно безнадежную попытку примирить непремиримое. Въ то время, какъ послѣдователи этого толка сближались съ безпоповцами по указаннымъ своимъ воззрѣніямъ, согласіе сусловцевъ шло навстрѣчу той же безпоповщинѣ практически, отвергая принятіе бѣглыхъ поповъ изъ малороссійскихъ епархій по подозрѣнію въ обливательномъ крещеніи и этою подозрительностію въ духѣ первоначальнаго раскола затрудняя для себя возможность имѣть хоть какихъ-нибудь пастырей — отправителей чина церковнаго по уставамъ «древлеблагочестивой» старины. То же самое нужно сказать и о лужковскомъ согласіи, возникшемъ по поводу секретнаго указа 26 марта 1822 года о непреслѣдованіи бѣглыхъ поповъ: въ своемъ отрицаніи дозволеннаго правительствомъ священства, борьбѣ противъ метрикъ и другихъ пунктахъ своего ученія оно является рѣзко непослѣдовательнымъ для бѣглопоповщины поворотомъ въ сторону крайнихъ отрицательныхъ воззрѣній первоначальнаго раскола.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ тѣми дробленіями въ поповщинѣ, которыя возникали на почвѣ непоколебимой вѣры въ правоту старообрядческаго общества, «окормляе-

маго» бѣгствующимъ отъ великороссійской церкви священствомъ. Но былъ еще одинъ вопросъ, который имѣлъ громадное значеніе для этой половины старообрядчества и фактическое разрѣшеніе котораго послужило началомъ новыхъ дроблений въ средѣ его послѣдователей: это вопросъ *о трехчинной* іерархіи, необходимой для полноты правильнаго церковнаго устройства. Судьбу этого вопроса въ расколѣ намъ и нужно прослѣдить теперь.

IV.

Въ своихъ наставленіяхъ объ отношеніи ревнителей «древлеблагочестивой старины» къ священникамъ «новаго» рукоположенія расколоучители перваго времени исходили, какъ мы видѣли, изъ мысли о кратковременности того безпримѣрнаго положенія, въ какое сталъ расколъ по отдѣленіи своемъ отъ православной церкви. Удовлетворяя практической нуждѣ *своего* времени, они считали излишнимъ задаваться вопросомъ объ осуществимости этихъ наставленій и канонической правильности создаваемаго ими устройства «древле-православной церкви», если ея существованіе въ данныхъ условіяхъ затянется на долгія времена,—да и едва ли были въ состояніи разрѣшить этотъ вопросъ сколько-нибудь удовлетворительно. По крайней мѣрѣ, дьяконъ Ѳеодоръ на тревожную мысль о томъ, что недостатокъ поповъ, рукоположенныхъ по старому, можетъ наступить ранѣе конца міровой жизни, могъ отвѣтить лишь увѣреніемъ, что «надѣяйся на Христа истиннаго не оставленъ будетъ во вѣки всякъ правовѣрный»[1]). Однако уже ближайшимъ поколѣніямъ той части раскола, которая держалась раскрываемыхъ у этого расколоучителя крайнихъ воззрѣній на «отступленіе», совершившееся въ русской церкви, пришлось убѣдиться въ неприложимости его

[1]) Матер. для ист. раск., т. VI, стр. 62.

наставленій къ дальнѣйшему существованію своего общества и, усвоивши мысль о наступившемъ уже духовномъ, неопредѣленно-продолжительномъ царствованіи антихриста, придти къ безотрадному выводу о прекращеніи истиннаго священства навсегда. Это было вполнѣ послѣдовательно съ точки зрѣнія отрицательныхъ основоположеній раскола, хотя и отнимало у данной его части всякое право говорить о себѣ, какъ вѣрной и неизмѣнной хранительницѣ церковныхъ уставовъ и преданій дониконовскихъ временъ. Въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ для соблюденія внѣшнеобрядовыхъ формъ и установленій, унаслѣдованныхъ отъ тѣхъ временъ, оказалась другая часть старообрядчества, которая въ рѣшеніи іерархическаго вопроса пошла по пути, указанному протопопомъ Аввакумомъ. Но и для нея одною уступкою изъ отрицательныхъ воззрѣній первоначальнаго раскола на «никоніанство», выразившеюся въ принятіи бѣглыхъ священниковъ отъ мнимо-еретической господствующей церкви, не исчерпывалась трудность положенія, созданная тѣмъ, что рушились надежды на скорое торжество «древляго благочестія», и наставленіямъ, даннымъ на исключительныя, «изъ правилъ вышедшія», времена, переживаемыя старообрядческимъ обществомъ, приходилось стать основнымъ правиломъ, постоянною *нормою* его жизни. Когда тревожное исканіе выхода изъ угрожавшей опасности безъіерархическаго существованія, съ установленіемъ бѣглопоповщинской практики и теоріи, смѣнилось увѣренностью въ возможности безпрепятственнаго удовлетворенія духовныхъ нуждъ чрезъ принятыхъ отъ мнимой ереси священниковъ, изъ-за практическихъ заботъ и споровъ о способѣ ихъ присоединенія должна была выступить мысль о необходимости въ истинной церкви *епископа,* ея духовнаго главы. Дѣло шло о такомъ существенномъ признакѣ, безъ котораго церковь, по ученію старопечатныхъ книгъ, не можетъ существовать и превращается въ «самочинное сборище». Не удивительно поэтому, что мечта о полной, трехчинной іерархіи уже къ

концу XVII в. становится завѣтнымъ предметомъ помышленій для старообрядцевъ, пріемлющихъ бѣгствующее священство [1]). Въ высшей степени характерно при этомъ, что смущаемая неоспоримымъ фактомъ отсутствія епископа въ самой бѣглопоповщинѣ, старообрядческая мысль находитъ себѣ успокоеніе въ *предположеніи*, что истинные епископы существуютъ на свѣтѣ, и весь вопросъ лишь въ томъ, гдѣ искать такихъ епископовъ [2]). Можно думать, что на первыхъ порахъ, полный остраго предубѣжденія противъ всего иноземнаго, расколъ въ своихъ поискахъ древлеблагочестиваго епископства не выходилъ изъ предѣловъ русской земли и надѣялся въ ней найти «возглавленіе» своей безглавой общины. За отсутствіемъ соотвѣтствующей дѣйствительности, пришла на помощь благочестивая фантазія, поддержанная народными легендами. Явились сказанія о разныхъ «сокровенныхъ» мѣстахъ, богоспасаемыхъ градахъ и обителяхъ, гдѣ нерушимо соблюдается «древлее благочестіе», и епископы правовѣрные сіяютъ, какъ солнце. Разсказывали, напримѣръ, о невидимомъ древнемъ городѣ Великомъ Китижѣ, что̀ стоитъ на Свѣтлояромъ озерѣ, въ нижегородскомъ Заволжьѣ. Во времена Батыева нашествія, когда подступили татары къ Великому Китижу, сохранилъ Господь этотъ городъ отъ разоренія: сдѣлался онъ невидимымъ, и будетъ стоять такъ до скончанія вѣка. Есть тамъ и церкви, и монастыри, и множество народа; есть и древле-благочестивый епископъ. Въ лѣтніе вечера въ тихихъ водахъ Свѣтлояра озера видны иногда отраженія златоверхихъ храмовъ китижскихъ и слышенъ звонъ китижскихъ колоколовъ. Существуетъ даже письмо, полученное родителями одного безъ вѣсти пропавшаго сына, котораго они начали уже было поминать за упокой; здѣсь яркими чертами описы-

---

[1]) См. *проф. Смирнова*—Внутр. вопр., стр. 144.

[2]) *Іеросхимонаха Іоанна*—Сказаніе о обращеніи раскольниковъ заволжскихъ, стр. 108. М. 1875.

вается блаженное житіе въ Китижѣ и великое благочестіе живущихъ въ немъ святыхъ отцовъ: «сіи бо святіи отцы процвѣтоша, яко крини сельные, и яко финики, и яко кипарисы, и яко каменіе драгое и многоцѣнный бисеръ, и яко древа нестарѣющіяся, и яко звѣзды небесныя. И отъ устъ ихъ непрестанная молитва къ Отцу небесному, яко ѳиміамъ благоуханный, и яко кадило избранное, и яко мѵро добровонное. И едва нощь пріидетъ, тогда отъ устъ ихъ молитва видима, яко столпы пламенные съ искрами огненными, и яко отъ мѣсяца и звѣздъ велій не токмо мѣсту оному свѣтъ, но и всей странѣ оной свѣтъ, яко молнія. Въ то время книги чести или писать можно, безъ свѣщнаго сіянія»[1]). Находились и люди, которымъ удалось побывать въ этомъ царствѣ святыхъ и которые могли поразсказать о своихъ личныхъ впечатлѣніяхъ довѣрчивымъ слушателямъ, съ умиленіемъ внимавшимъ сказанію о чудесахъ таинственнаго Китижа. Къ этому-то и къ другимъ, подобнымъ ему, сокрытымъ въ водахъ и подъ землею, пріютамъ «древляго благочестія» съ надеждою обращались взоры его ревнителей, хотѣвшихъ во что бы то ни стало приставить хоть мечтательную іерархическую главу къ своей «безглавой» церкви. Другіе надѣялись отыскать ее за предѣлами русской земли, за широкою пустынею Гоби и Китаемъ, на Бѣловодьи, въ далекомъ Опоньскомъ царствѣ. «Тамъ жители на островахъ семидесяти, нѣкоторые изъ нихъ и на 500 верстахъ разстояніемъ, а малыхъ острововъ исчислить невозможно. На этихъ-то островахъ инокъ Марко Топозерскій, съ «великимъ любопытствомъ и стараніемъ» искавшій въ восточныхъ странахъ «древляго благочестія православнаго священства, которое весьма нужно ко спасенію», обрѣлъ съ помощью Божіей «асирскаго языка 179 церквей», имѣющихъ православнаго па-

---

[1]) *Мельниковъ П. И. (Печерскій)*, Очерки поповщины, — Полн. собр. соч., изд. Вольфа, т. XIII, стр. 38—39. *Архангеловъ С. А.* Среди раскольниковъ и сектантовъ Поволжья, стр. 144—150. Спб. 1899.

тріарха антіохійскаго поставленія и четырехъ митрополитовъ. «А россійскихъ до сорока церквей тоже имѣютъ митрополита и епископовъ, асирскаго поставленія. Отъ гоненія римскихъ еретиковъ много народу отправлялось кораблями Ледовитымъ моремъ и сухопутнымъ путемъ. Богъ наполняетъ сіе мѣсто. А кто имѣетъ сомнѣніе,— предупредительно прибавляетъ инокъ Марко, — то поставляю Бога во свидѣтеля нашего: имать приноситися безкровная жертва до второго пришествія Христова. Въ томъ мѣстѣ приходящихъ изъ Россіи принимаютъ первымъ чиномъ, — крестятъ совершенно въ три погруженія желающихъ тамъ пребыть до скончанія жизни. Бывшіе со мною два инока согласились вѣчно остаться: приняли святое крещеніе. И глаголютъ они: «вы всѣ осквернились въ великихъ и разныхъ ересяхъ антихристовыхъ, писано бо есть: изыдите изъ среды сихъ нечестивыхъ человѣкъ и не прикасайтеся имъ, змія, гонящагося за женою: невозможно ему постигнути жены, скрывшейся въ разсѣлины земныя». Въ тамошнихъ мѣстахъ татьбы и воровства и прочихъ противныхъ закону не бываетъ. Свѣтскаго суда не имѣютъ; управляютъ народы и всѣхъ людей духовныя власти. Тамо древа равны съ высочайшими древами. Во время зимы морозы бываютъ необычные съ разсѣдинами земными. И громы съ землетрясеніемъ не малымъ бываютъ. И всякіе земные плоды бываютъ; родится виноградъ и сорочинское пшено». Для большей убѣдительности описанія къ нему прилагался и «маршрутъ», указывающій путь въ таинственное Бѣловодье [1]). Неизвѣстно, были ли охотники провѣрить справедливость сказанія инока Марка въ XVIII вѣкѣ; но въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія нашелся даже нѣкій «смиренный Аркадій», объявившій себя рукоположеннымъ въ Бѣловодьѣ въ «архіепископа всея Русіи и Сибири». При немъ оказались грамоты: «мирно-

---

[1]) „Путешественникъ, сирѣчь маршрутъ въ Опоньское царство“ см. въ вышеуказ. соч. Мельникова-Печерскаго, стр. 33—34.

отпущенная» и «ставленная», подписанныя Бѣловодскимъ «кралемъ» Григоріемъ Владиміровичемъ, патріархомъ Мелетіемъ, 38 митрополитами, 30 архіепископами, 24 епископами, 38 архимандритами и 27 игуменами. Авантюра мнимаго архіепископа, несмотря на всю шаткость ея легендарной опоры, имѣла нѣкоторый успѣхъ и создала среди пріемлющихъ священство старообрядцевъ новый, хотя и не многочисленный, толкъ послѣдователей славянобѣловодской іерархіи. Даже доказанное самозванство Аркадія, оказавшагося оберъ-офицерскимъ сыномъ Антономъ Савельевымъ Пикульскимъ, не подорвало въ конецъ у чтителей «святой старожитности» вѣры въ существованіе таинственнаго Бѣловодья, маршрутъ въ которое попадается и въ современныхъ намъ рукописяхъ, вращающихся въ средѣ раскола. — Таковы легендарныя сказанія и вымыслы, которыми издавна пыталось успокоить себя старообрядчество, смущенное отсутствіемъ въ немъ «древлеблагочестиваго» епископа. Тѣ, кого не удовлетворяли подобныя фантазіи, поддавались мечтамъ, болѣе близкимъ къ дѣйствительности: ихъ помыслы направлялись къ райской рѣкѣ Евфрату, въ Сиваидскую Емакань, сирійскую Антіохію и даже въ самый Царь-градъ, бывшую столицу объеретичившихся грековъ, которой суждено было стать впослѣдствіи городомъ утѣшенія и источникомъ благословеній для нашихъ старообрядцевъ. По разсказамъ послѣднихъ, въ XVIII и XIX столѣтіяхъ неоднократно снаряжались на востокъ спеціальныя посольства съ порученіемъ — изслѣдовать въ названныхъ мѣстахъ, не имѣется ли гдѣ такого епископа, отъ котораго могла бы возгорѣться полнымъ огнемъ трехчинная іерархія для старообрядческаго общества. У извѣстнаго беллетриста-расколовѣда П. И. Мельникова-Печерскаго (см. его романъ «Въ лѣсахъ», ч. 1, гл. XI) есть интересный и художественный разсказъ паломника Стуколова, дающій понятіе о трудностяхъ и безплодности такихъ изысканій. Молодого и энергичнаго послушника Лаврентьевой обители, который «какъ птица изъ

клѣтки, рвался на волю, чтобы идти, куда глаза глядятъ», призываетъ вмѣстѣ съ другими монастырскими трудниками игуменъ Аркадій и, напомнивши имъ про оскудѣніе благочестиваго священства, про духовный голодъ, христіанъ постигшій, сообщаетъ имъ о мѣстахъ, гдѣ вѣра, по разсказамъ, соблюдена въ цѣлости и чистотѣ. «Вотъ бы, говоритъ отецъ игуменъ, порадѣть вамъ, труднички молодые, положить ваши труды на спасеніе всего христіанства. Поискать бы вамъ благодать таковую, тамъ вѣдь много древлеблагодатныхъ епископовъ и митрополитовъ. Вывезти бы вамъ хоть одного въ наши россійскіе предѣлы, утвердили бы мы въ Россіи корень священства, утолили бы душевный гладъ многаго народа. Свои бы у насъ тогда попы были, не нуждались бы мы въ бѣглецахъ никоніанскихъ. И аще исполните мое слово, въ семъ мірѣ будетъ вамъ отъ людей похвала и слава, а въ будущемъ вѣцѣ отъ Господа неизглаголанное блаженство... Какъ услышалъ я—разсказываетъ паломникъ—такіе глаголы, тотчасъ игумену земно поклонился, сталъ просить его благословенья на подвигъ дальняго странства. За мной другіе трудники поклонились: повелѣніе пославшаго всѣ готовы исполнить. Снабдилъ насъ игуменъ деньгами на дорогу, далъ для памяти тетрадки, какъ и гдѣ искать благочестивыхъ архіереевъ... И пошли мы пятнадцать человѣкъ къ рѣкѣ Дунаю, пришли во градъ Измаилъ, а тамъ ужъ наши христіане насъ ожидаютъ, игуменъ Аркадій къ нимъ отписалъ до нашего приходу. Безъ паспортовъ пропускъ за Дунай былъ заказанъ, стояла на берегу великая стража, никого безъ паспорта за рѣку не пускала. Въ камыши спровадили насъ христолюбцы, а оттолѣ ночью въ рыбацкихъ челнокахъ, крадучись, яко тати, на турецкую сторону мы перебрались. Тутъ пошли мы въ славное Кубанское войско, то наши христіане казаки, что живутъ за Дунаемъ, Некрасовцами зовутся... Прожили мы у Некрасовцевъ безъ мала полгода, въ ихнемъ монастырѣ, а зовется онъ Славой, и жили мы тамъ въ изобильи и довольствѣ. Еще

больше тутъ къ намъ изъ Россіи путниковъ на дальнее странство набралось — стало всего насъ человѣкъ съ сорокъ. И поплыли мы къ Царь-граду по Черному морю, и поживши малое время въ Царь-градѣ, переплыли въ каюкахъ Мраморное море и тамо опять пришли къ нашимъ старообрядцамъ, тоже къ казакамъ славнаго Кубанскаго войска, а зовется ихъ станица Майносомъ. Оттоль пошли къ райской рѣкѣ Евфрату... Изъ сорока человѣкъ дошло только двадцать,—только двадцать! Зарыли остальныхъ въ пескахъ да въ горныхъ ущельяхъ. Десять недѣль шли: на каждую недѣлю по два покойника! Голодъ, болѣзни, дикіе звѣри, разбойники да бусурманскіе народы—вездѣ бѣды, вездѣ напасти... Но не смущалося сердце наше, и мы шли, шли, да товарищей хоронили... Безвѣстны могилки бѣдныхъ, никому не сыскать и некому надъ ними поплакать!.. Прошли мы вдоль рѣки Евфрата, были межъ турской и персидской границей и *не нашли старообрядцевъ*... А смерть путниковъ косила да косила... Назадъ къ Царьграду поворотили. Шли, шли и помирали... И никому-то не хотѣлось лечь въ чужой сторонѣ, всякой-то про свою родину думалъ и, умирая, слезно молилъ товарищей, какъ умретъ, снять у него съ креста ладанку, да разрѣзавши, посыпать лицо его зашитою тамъ русскою землею... У одного меня ладанки съ родной земли не бывало... И встосковалось же тогда сердце мое по матушкѣ по Россіи... Въ Царьградъ я одинъ воротился, молодые трудники всѣ до единаго пошли въ мать сыру землю... Добрелъ до Лаврентьева и про все разсказалъ отцу игумену подробно. Справилъ онъ по нихъ соборную панихиду, имена ихъ записалъ въ синодикъ постѣнный и литейный, а дѣла не покинулъ. Нудитъ опять меня: «Ступай, говоритъ, въ Емакань, въ страну Ѳиваидскую, за Египетъ. Тамъ безпремѣнно найдешь епископовъ; недавно, говоритъ, нѣкіе христолюбцы тамъ бывали, про тамошнее житіе намъ писали». Новые трудники на подвигъ странства сыскались, опять все люди молодые, всего двадцать пять человѣкъ...

Какъ бывалаго человѣка, меня съ ними послали... Тѣмъ же путемъ въ Царьградъ мы пошли, тамъ на корабли сѣли и поѣхали по Бѣлому морю (Архипелагъ), держа путь къ святому граду Іерусалиму. Были у Спасова гроба, зрѣли, какъ всѣ вѣры на единомъ мѣстѣ служатъ... Не обрѣли мы древляго благочестія ни въ Іерусалимѣ, ни въ Виѳлеемѣ, ни на святой рѣкѣ Іорданѣ — всюду пестро и развращено!.. Поплакали, видя сіе, и пошли во градъ Іоппію; сѣли на корабль, и привезли насъ корабельщики во Египетъ. Пошли мы вверхъ по рѣкѣ Нилу, шли съ караванами пѣши, дошли до земли Ѳиваидской, только никто намъ не могъ указать земли Емаканьской, про такую, дескать, тамъ никогда не слыхали... И напала на насъ во Египетѣ чума: изъ двадцати пяти человѣкъ осталось насъ двое... Поплыли назадъ въ Россію, добрели до отца игумена, обо всемъ ему доложили: «Нѣтъ, молъ, за Египтомъ никакой Емакани; нѣтъ, молъ, въ Ѳиваидѣ древлей вѣры»... И опять велѣлъ игуменъ служить соборную панихиду, совершить поминовенье по усопшимъ, ради Божія дѣла въ чуждыхъ странахъ животъ свой скончавшимъ... А потомъ опять меня призываетъ, опять на новый подвигъ странствія посылаетъ»[1])... Я долженъ просить у своихъ слушателей извиненія за эту длинную выдержку: ея право на вниманіе наше въ данномъ случаѣ заключается въ томъ, что при художественной яркости она не представляетъ собою лишь плодъ авторской фантазіи, а есть, такъ сказать, типическая повѣсть о заграничныхъ исканіяхъ старообрядцами «древлеблагочестиваго» епископа, непричастнаго мнимымъ ересямъ греко-россійской церкви. И какая сила воодушевленія, какая несокрушимая энергія и настойчивость въ этихъ неизбѣжно-неудачныхъ, всегда безплодныхъ исканіяхъ! — Рука объ руку съ ними издавна шли попытки добиться рукополо-

---

[1]) *Мельниковъ-Печерскій*, Полн. собр. соч., изд. Вольфа, т. III, стр. 183—187.

женія на епископство кого-либо изъ старообрядцевъ молдавскими, греческими, какими бы то ни было епископами, или же привлечь на свою сторону одного изъ нихъ, принявши его въ общеніе въ сущемъ санѣ по способу присоединенія къ расколу бѣглыхъ поповъ. Я не буду пересказывать довольно длиннаго ряда возникшихъ на этой почвѣ эпизодовъ изъ исторіи старообрядчества, полныхъ, по замѣчанію одного изслѣдователя, комическихъ и грустныхъ подробностей, — болѣе, впрочемъ, грустныхъ, чѣмъ комическихъ, ибо что же смѣшного въ непрерывныхъ разочарованіяхъ людей, томимыхъ духовнымъ голодомъ, не умѣющихъ, благодаря застарѣлымъ предубѣжденіямъ, найти вѣрнаго средства къ его утоленію и становящихся жертвою разныхъ безсовѣстныхъ проходимцевъ? Неудачи, испытанныя въ этомъ отношеніи старообрядцами въ первой половинѣ XVIII в., не могли не наводить, по крайней мѣрѣ, наиболѣе внимательныхъ изъ нихъ къ своему положенію, на тяжелое раздумье. «Увы, брате!—писалъ еще въ 1799 г. одинъ поповецъ своему пріятелю на Рогожское кладбище,—увы, да не оскорбимъ васъ словомъ, уже бо кончина приближается наша; видно по всему писанію, что основаніе нашей вѣры на песцѣ, а не на твердомъ камени. Не имѣемъ мы ни епископа, ни священника, благословеннаго отъ власти церковной, но ожидаемъ, по мнѣнію нашему, особеннаго епископа. Сохрани насъ Боже, чтобы мы не такъ же ожидали епископа, какъ жиды ожидаютъ пришествія Мессіи»[1]). Въ томъ же родѣ нѣсколько позже писалъ своимъ единомышленникамъ неизвѣстный по имени иргизскій инокъ: «Окрадая смущенную никоніанскую церковь, новшествъ преисполненную и св. догматы дерзостно поправшую, тщетно хвалишися, о новый Израилю, яко бы священства чинъ въ тебѣ не изсякаетъ.

---

[1]) *Проф. Ивановскій Н. И.* Объ австрійскомъ священствѣ. *Правосл. Обозр.* за 1868 г., т. XXVI, стр. 45.

Всуе хвалишися! Гдѣ той неизсякаемый источникъ, гдѣ преемственная отъ рукъ апостольскихъ хиротонія? Имѣеши ли епископскій чинъ, безъ него же церковь Божія стояти не можетъ? Имѣеши ли священное рукоположеніе, мvросовершеніе, антиминсовъ освященіе, епископское благословеніе, равно и судъ церковный? Кто можетъ въ тебѣ пресвитеровъ и діаконовъ поставляти, мvро совершати, дѣвъ освящати и всѣ дѣла съ разсужденіемъ творити, по 9 правилу св. антіохійскаго собора и по 6 карѳагенскаго?»[1]). Это было писано въ 1820 году. Послѣдовавшія вскорѣ потомъ репрессивныя мѣры правительства, направленныя противъ бѣглопоповства, присоединили къ принципіальнымъ соображеніямъ о необходимости въ «древлеправославной» церкви епископа, настойчивое требованіе практической нужды, въ виду трудности пріобрѣтенія бѣгствующихъ отъ великороссійской церкви священниковъ, и усилили энергію поисковъ архіерея, согласнаго перейти въ старообрядчество. Въ 1846 году поиски эти увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ: за австрійскимъ рубежомъ, въ Бѣлой-Криницѣ, явился у старообрядцевъ глава и родоначальникъ ихъ новой, полной, донынѣ существующей іерархіи въ лицѣ перешедшаго отъ греческой церкви и присоединеннаго по второму чину бывшаго Босно-Сараевскаго митрополита Амвросія. Это было великимъ торжествомъ для пріемлющаго священство старообрядчества: оно выходило изъ вѣкового, неестественнаго для истинной церкви Христовой, положенія крайней нужды, когда приходилось удовлетворять духовный голодъ «древлеблагочестивыхъ» христіанъ чрезъ сомнительныхъ по своимъ нравственнымъ качествамъ отверженцевъ и отщепенцевъ «никоніанскаго» священства. Благодать хиротоніи, почти двѣсти лѣтъ, по раскольническому ученію, скрывавшаяся въ безводномъ кладезѣ еретичества греко-россійской церкви,

[1]) Тамъ же.

была изнесена оттуда и, какъ свѣтильникъ, поставлена на свѣщницѣ, да свѣтитъ міру; община старообрядцевъ, принявшихъ бѣлокриницкую іерархію, получала законченное устройство, со всѣми видимыми признаками истинной церкви, и переставала быть «безглавою». Казалось, что насталъ конецъ внутренней розни въ поповщинѣ и для нея пришло время возстановленія давно утраченнаго единства...

V.

Въ дѣйствительности, однако, результаты указаннаго событія оказались далеко не соотвѣтствующими подобнымъ ожиданіямъ. Дѣло въ томъ, что уже самое начало бѣлокриницкой іерархіи, полное интригъ, обмановъ и тому подобнаго, способно было возбуждать даже у нѣкоторыхъ изъ наиболѣе близко заинтересованныхъ лицъ сомнѣніе въ доброкачественности дѣла, устроившагося при помощи такихъ темныхъ средствъ. Не менѣе недоразумѣній вызывала она и со стороны своей канонической правильности, при чемъ немаловажное значеніе получалъ вновь вопросъ о чинопріемѣ и его послѣдствіяхъ для іерархическаго достоинства новоприсоединеннаго митрополита—грека, еретичество котораго способно было возбуждать гораздо больше сомнѣній, чѣмъ неправославіе, съ старообрядческой точки зрѣнія, великороссійскихъ духовныхъ лицъ. Къ этому нужно присоединить еще цѣлый рядъ крайне неблагопріятныхъ впечатлѣній отъ дѣйствій первыхъ русскихъ старообрядческихъ архіереевъ, рукоположенныхъ Амвросіемъ и его ближайшимъ преемникомъ, безхарактернымъ и невѣжественнымъ Кирилломъ. Все это въ совокупности дѣлало новоучрежденную іерархію настолько сомнительною въ глазахъ многихъ пріемлющихъ священство старообрядцевъ, что для нихъ представлялось гораздо менѣе сомнительнымъ — остаться при прежнемъ способѣ удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ чрезъ бѣгствующихъ отъ велико-

россійской церкви священниковъ, чѣмъ отдаться духовному водительству австрійско-бѣлокриницкихъ епископовъ и поповъ. Ближайшимъ слѣдствіемъ появленія новоучрежденной іерархіи въ расколѣ явилось, такимъ образомъ, не объединеніе поповщины, а *выдѣленіе изъ нея новаго толка*— пріемлющихъ австрійское священство.

Да и между самими послѣдователями этого новообразовавшагося толка въ старообрядчествѣ единомысліе удержалось очень недолго. Причиною этого было то внутреннее противорѣчіе, въ какое становились старообрядцы фактомъ принятія въ родоначальники своей іерархіи греческаго митрополита, оказавшись въ то же самое время въ значительной своей части не чуждыми старыхъ предубѣжденій первоначальнаго раскола противъ греко-россійской церкви, какъ впавшей въ крайнюю степень еретичества и осквернённой прелестью антихриста. Оживленію этихъ предубѣжденій, повидимому, не мало содѣйствовало самое измѣненіе въ положеніи данной части старообрядчества, почувствовавшей себя, съ учрежденіемъ собственной трехчинной іерархіи, вполнѣ независимою въ сужденіяхъ о греко-россійской церкви. Долго сдерживаемая вражда къ ней поповщинскаго раскола нашла себѣ выраженіе въ широкомъ распространеніи среди раскольниковъ-поповцевъ, послѣдователей австрійской іерархіи, безпоповщинскихъ мнѣній о наступленіи царства антихристова,—о томъ, что имя Спасителя нашего «Іисусъ» есть имя иного бога, антихриста,—что четвероконечный крестъ лишь сѣнь креста Христова, кумиръ, мерзость запустѣнія, ставшая на мѣстѣ святѣ, и т. п. Воспринимая подобнаго рода воззрѣнія при достигнутой полнотѣ церковно-іерархическаго устройства, расколъ австрійскаго толка возстановлялъ, повидимому, во всей цѣлости давно утраченную гармонію положительныхъ и отрицательныхъ основъ первоначальной раскольнической доктрины, — но только, повидимому. Въ дѣйствительности не много нужно было усилій послѣдовательной мысли, чтобы понять, что если

въ греко-россійской церкви царствуетъ антихристъ, если имя Іисусъ есть имя иного бога, то и священство Амвросія не можетъ быть признано священствомъ Христовымъ. Неумолимой послѣдовательности этого вывода не могли не признать и лучшіе изъ самихъ старообрядцевъ, принявшихъ австрійское священство. Не замедлило появиться и открытое выраженіе съ ихъ стороны протеста противъ указанныхъ безпоповщинскихъ мнѣній. Въ февралѣ 1862 года было издано, за подписью бѣлокриницкаго намѣстника Онуфрія, двухъ раскольническихъ епископовъ и нѣсколькихъ низшихъ духовныхъ лицъ, составленное Иларіономъ Егоровымъ Кабановымъ (Ксеносомъ), въ сотрудничествѣ съ московскимъ начетчикомъ Семеномъ Семеновымъ, «Окружное посланіе чадомъ единой, святой, соборной, апостольской, древле-православно-каѳолической церкви». Здѣсь, послѣ разбора и опроверженія десяти безпоповщинскихъ тетрадокъ, признанныхъ ложными и чуждыми церкви, излагалось положительное ученіе, что истинное священство и безкровная жертва всегда были и пребудутъ до скончанія вѣка, что это священство находится въ великороссійской и греческой церкви, а стало быть и у старообрядцевъ, заимствовавшихъ источникъ священства у грековъ. Въ дальнѣйшемъ содержаніи посланія подробно раскрывалась мысль, что греко-россійская церковь вѣруетъ подъ именемъ Іисуса въ того же Сына Божія, какъ и старообрядцы, и излагалось ученіе о четвероконечномъ крестѣ, евхаристіи, молитвѣ за царя, о лицѣ и времени пришествія антихриста, о днѣ и часѣ кончины міра. По своему характеру, сужденія объ этихъ предметахъ были настолько близки къ ученію православной церкви, что самъ собою напрашивался вопросъ: есть ли какія-нибудь основанія у старообрядцевъ отдѣляться отъ нея? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ было указаніе на двѣ «важныя и благословныя» вины, заключающіяся—а) въ клятвахъ собора 1667 года и б) въ «жестокословныхъ» порицаніяхъ прежнихъ полемическихъ книгъ на именуемые старые обряды.

Упомянуто было, правда, еще о какихъ-то «новодогматствованіяхъ» русской церкви, но не было указано, въ чемъ они состоятъ.

Не трудно видѣть, что «Окружное посланіе» почти совершенно стирало ту вѣковую рознь, которую старались поддержать вожди старообрядческаго раскола между нимъ и православною церковью. Оставалось только ждать — и притомъ недолго — офиціальныхъ разъясненій высшей учащей и правительствующей власти церковной, чтобы устранить послѣдній поводъ раздѣленія и мирно войти въ ограду православной церкви. И если такой шагъ былъ въ дѣйствительности сдѣланъ сравнительно немногими старообрядцами, раздѣляющими мысли «Окружнаго посланія», то въ этомъ по всей справедливости можно усматривать лишь печальный плодъ долгой разобщенности, превратившейся въ трудно-побѣдимую привычку. Двухвѣковая исторія внутренней жизни раскола, желавшаго неизмѣнно сохранить обычаи и строй дониконовской церкви, приводила, такимъ образомъ, его послѣдователей къ ясному сознанію неправоты ихъ предубѣжденій противъ православной церкви. Однако, сила этихъ предубѣжденій была еще настолько значительна въ немалой части раскольниковъ австрійскаго толка, что «Окружное посланіе» оказалось для нихъ неудобопріемлемымъ и вызвало рѣзкое несочувствіе въ ихъ средѣ. Возбужденные имъ споры привели къ раздѣленію старообрядцевъ, принявшихъ австрійскую іерархію, на *окружниковъ* и *противоокружниковъ*, при чемъ тогдашній глава этой іерархіи, митрополитъ Кириллъ, неоднократно оказывался то на той, то на другой сторонѣ, смотря по силѣ оказанныхъ на него вліяній, подкрѣпленныхъ звонкими аргументами русскихъ рублей. Раздѣленіе это, какъ извѣстно, остается во всей силѣ и до сихъ поръ, превращая внутреннюю исторію австрійскаго толка въ рядъ скандальныхъ пререканій между окружническими и противоокружническими епископами, съ взаимными соборными осужденіями и анаѳематствованіями другъ друга.

Не обошлось безъ несогласій и внутри каждой изъ этихъ вновь образовавшихся группъ; но говорить объ этихъ мелкихъ пререканіяхъ и раздорахъ мнѣ не представляется необходимымъ въ настоящемъ случаѣ.

Къ какому же положенію привели поповщинскій расколъ изложенныя попытки примиренія непримиримыхъ основъ его первоначальной доктрины съ практическими требованіями жизни? Мы видѣли, что и послѣ учрежденія бѣлокриницкой іерархіи, осуществившей мечты старообрядцевъ о собственномъ «древлеблагочестивомъ» епископѣ, далеко не всѣ былые сторонники бѣгствующаго отъ великороссійской церкви священства перешли на сторону новыхъ духовныхъ руководителей. Осталось не малое число бѣглопоповцевъ, которые, несмотря на все неудобство положенія церкви безъ іерархической главы, предпочли остаться при прежнемъ источникѣ и способѣ удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ, хотя пользованіе этимъ источникомъ въ ближайшія къ намъ времена становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ, вслѣдствіе крайней малочисленности священниковъ, рѣшавшихся ради выгодъ, даваемыхъ расколомъ, отступить отъ православной церкви. Ревнителямъ и хранителямъ преданій древляго благочестія, какими считали себя бѣглопоповцы, приходилось въ дѣйствительности перейти почти къ безпоповщинской доктринѣ и практикѣ относительно нѣкоторыхъ священнодѣйствій, надолго откладывая совершеніе другихъ въ ожиданіи того времени, когда къ нимъ заѣдетъ рѣдкій гость—странствующій бѣглый попъ. Съ какими крайними проявленіями неблагочинія приходилось при этомъ волей-неволей мириться духовному стаду бродячаго пастыря, довольно выразительно говоритъ слѣдующая картинка изъ сравнительно недавняго прошлаго. Нѣкій Амосъ Андроньевъ Саргоновъ, занимавшійся провозомъ бѣглыхъ поповъ въ области войска Донского, привезъ однажды на хуторъ Рогожинскій попа Прокопія, стараго, еле дышащаго: ему было около девяноста лѣтъ. Требъ накопилось много, такъ

что нужно было окрестить около пятидесяти младенцевъ. «Батюшка же—разсказываетъ очевидецъ—былъ старъ, и кромѣ того очень пьянъ, почему требы совершались при батюшкѣ спящемъ на стулѣ въ сидячемъ положеніи. И какъ только онъ начинаетъ глазами немного смотрѣть, такъ тотчасъ же требовалъ водки и непремѣнно въ соучастіи съ своимъ вожакомъ Амосомъ. Амосъ бралъ бутыль и рюмку и говорилъ: «ну-ка, батюшка, выпьемъ по одной», не наливая себѣ водки, а только стуча рюмкой объ бутыль; затѣмъ наливаетъ попу со словами: «ну, теперь, батюшка, ты выпей, какъ я выпилъ».—«Брешешь, проклятый Амосъ», бормоталъ пьяный попъ: «ты не пилъ; давай-ка я выпью». Какъ только сдѣлаетъ повтореніе изъ бутылки попъ, и снова покатится спать. Дѣло же идетъ своимъ чередомъ. Подошло время погружать младенцевъ въ воду. Батюшка сдѣлался еще пьянѣе. Амосъ, какъ привычный къ этому дѣлу и имѣя денежный расчетъ (такъ какъ онъ уже деньги, по одному рублю, собралъ за каждаго младенца), завязываетъ полы позади халата, засучаетъ рукава и принимается погружать младенцевъ. Подошло время ходить вокругъ купели. Нѣсколько человѣкъ берутъ стулъ съ спящимъ попомъ и носятъ его кругомъ купели, какъ мертвый трупъ, съ пѣніемъ: «Елицы во Христа» и проч. Не успѣли обнести три раза, какъ нашъ попъ отъ шума, къ великому горю, проснулся и закричалъ дурнымъ необычайнымъ голосомъ: «што вы дѣлаете, проклятые раскольники, куда вы меня несете? время выпить!» Такъ—съ грустною ироніею заканчиваетъ разсказчикъ—совершилось крещеніе нашихъ малютокъ по древнему требнику безъ малѣйшаго пропуска, съ пьянымъ полумертвымъ попомъ». Все шло гладко и кончилось бы благополучно, если бы захмѣлѣвшій отщепенецъ православнаго священства не благословилъ кого-то, по старой привычкѣ, именословно. Это произвело крайній соблазнъ среди раскольниковъ, и старики, посовѣтовавшись между собою, рѣшили оставить бѣглыхъ поповъ и перейти къ

«австрійцамъ»[1]).—Но что найдетъ старообрядецъ, ревностный о формахъ церковнаго благочинія, и въ этой второй половинѣ поповщинскаго раскола? Взаимные споры окружническихъ и противоокружническихъ епископовъ, вражду и раздѣленія въ ихъ паствѣ, своевольныя измышленія суемудраго богословствованія новыхъ «столповъ» старообрядчества и почти поголовное невѣжество какъ въ высшемъ, такъ и въ низшемъ раскольническомъ духовенствѣ. У насъ — признается одинъ изъ старообрядческихъ архіереевъ—только «грубость и невѣжество и поголовная безграмотность. Посмотришь на нашихъ духовныхъ пастырей, такъ жутко становится! Иной отецъ духовный азбуки-то путемъ не знаетъ!»[2]) Не мудрено, что такіе невѣжественные попы, — бывшіе пастухи, дворники, сапожники, отставные солдаты и т. п.,—отправляли службу безчинно, а иногда и совсѣмъ не были въ состояніи выполнять даже внѣшнюю сторону своего служенія. Такъ, одинъ московскій попъ, по свидѣтельству его сослуживца, «бывало за проскомидіей, въ церкви, ругается всячески, даже непристойными словами». Про другого попа одинъ старообрядецъ съ простодушіемъ разсказываетъ: «вышелъ онъ это

---

[1]) *Мисс. Сборн.* за 1902 г., кн. 1, стр. 29—30. — Намъ могутъ замѣтить, что приведенный фактъ не представляетъ чего-либо характеристическаго для бѣглопоповщины, потому что безобразная сцена съ пьянымъ попомъ, какъ *исключеніе*, возможна не въ одномъ только расколѣ. Но дѣло въ томъ, что въ бѣглопоповщинѣ подобные случаи—совсѣмъ не единичныя исключенія, а заурядный, и притомъ *неизбѣжный* фактъ. Для удовлетворенія своихъ духовныхъ нуждъ у бѣглопоповцевъ нѣтъ другого источника, кромѣ отступниковъ православно-русской іерархіи; но какой же честный и нравственно-добропорядочный православный священникъ рѣшится отвергнуть истинную церковь Христову, чтобы перейти въ расколъ? Бѣглопоповцамъ волей-неволей приходится, поэтому, мириться съ печальною мыслью о поголовной порочности своихъ духовныхъ вождей и терпѣть совершаемыя ими безобразія. „Гдѣ дѣтца? нужда стала!“

[2]) *Свящ. С. М. Марковъ.* Краткій историческій очеркъ австрійскаго раскольническаго священства, стр. 116. Калуга, 1885.

на обѣдни съ дарами, да и молвитъ: чего бишь мнѣ баить то?—Ну, дьячки ему тутъ же подсказали»[1]). Это ли—то состояніе церковнаго благочинія и богослужебнаго порядка, о которомъ мечтали первые вожди старообрядческаго раскола, подписавшіе протестъ противъ патріаршей «памяти» о перстахъ и поклонахъ?

Окидывая, въ заключеніе всего сказаннаго, общимъ взглядомъ прослѣженный нами путь постепеннаго раздробленія старообрядчества на разныя согласія и толки, мы можемъ съ полнымъ правомъ указать на эту двухъ съ половиной вѣковую исторію послѣдовательныхъ измѣненій его доктрины, какъ на яркое и неопровержимое доказательство неправоты ея первоначальныхъ основъ. Исходныя положенія раскола не выдержали провѣрки въ процессѣ его историческаго существованія и подъ давленіемъ практическихъ требованій обнаружили свою внутреннюю несостоятельность и непримиримость. Въ тѣхъ случаяхъ когда расколъ, вѣрный своему консервативному принципу, хотѣлъ въ своей организаціи и религіознообрядовомъ строѣ быть вѣрнымъ продолжателемъ древне-русской церковности, онъ неизбѣжно оказывался вынужденнымъ отказываться отъ крайнихъ предубѣжденій своихъ первыхъ вождей противъ мнимаго еретичества «никоніанской» церкви и идти къ сближенію съ ней. И, наоборотъ, выдвигая на первый планъ и дѣлая основнымъ закономъ своей жизни вражду къ православію, онъ столь же неизбѣжно утрачивалъ возможность сохранить тѣ положительныя черты, въ которыхъ отражался церковный строй и богослужебный порядокъ дониконовскихъ временъ. Отклоняясь въ ту или другую сторону, онъ уклонялся вмѣстѣ съ тѣмъ отъ одного изъ основоположеній своихъ первоучителей и вносилъ розпь и распаденіе въ свою собственную среду. Раздроб-

---

[1]) Тамъ же, стр. 117.

леніе старообрядческаго раскола на толки и согласія является, такимъ образомъ, не рядомъ мелкихъ эпизодическихъ подробностей, вызванныхъ случайнымъ стеченіемъ обстоятельствъ и личнымъ произволомъ вожаковъ, а основнымъ мотивомъ его внутренней исторіи, созданнымъ коллизіей основныхъ принциповъ на почвѣ того фактическаго положенія, начало котораго современно началу самого раскола. Благодаря этому положенію, расколъ съ первыхъ дней своего существованія оказался непрочнымъ, самораспадающимся зданіемъ, построеннымъ не на твердомъ камнѣ церковнаго исповѣданія, а на зыбкомъ пескѣ измѣнчивыхъ человѣческихъ мнѣній, — самораздѣляющимся царствомъ, не имѣющимъ твердости своихъ жизненныхъ основъ. И какъ грозный, но справедливый приговоръ, звучитъ для него неложное евангельское слово: «всякое царство, раздѣлившееся само въ себѣ, опустѣетъ; и всякій городъ или домъ, раздѣлившійся самъ въ себѣ, не устоитъ» (Матѳ. XII, 25).

